

Глава 9. Значимые сюжеты

Пережитый опыт насилия, тем более длительного, не позволяет полноценно выразить его, и языком репрезентации лагерного опыта становится язык травмы. Я рассматриваю наиболее травматичные сюжеты лагерных историй, которые присутствуют у всех авторов. Именно эти сюжеты наряду с другими приемами и образами создают язык травмы в нарративах бывших японских военнопленных.

1. МАРОДЕРСТВО

Мародерство было одним из проявлений этоса «нецивилизованных войн» и входило в комплекс представлений, по которому победитель получает все и победителей не судят. После взятия Берлина и оккупации Пруссии многие генералы РККА отправляли домой чуть ли не вагоны с немецкими трофеями. Солдаты также не могли удержаться от соблазна привезти подарки родным. Как было сказано в документальном фильме «Домой... Токио... Домой» (реж. Е. Кокусев, 2004 г.), советские солдаты в июне 1945 г. погрузились в железнодорожные вагоны и поехали с запада на восток, чтобы «разобраться с милитаристской Японией, грабануть и быстрее закончить с войной, отомстив к тому же и за Порт-Артур». Кроме идеологической и военной задач, здесь сформулирована и экономическая, через 60 лет проартикулированная — «грабануть».

Однако население Маньчжурии, на территории которой разворачивались военные действия, было бедным, а сама военная кампания — короткой. Маньчжурия в 1930-е гг. активно осваивалась японскими колонистами, которые большей частью имели мелкий бизнес. В августе 1945 г. все изменилось, и нажитое имущество колонисты охотно раздавали японским солдатам, которые, надеясь скоро вернуться домой, были рады запастись гостинцами для родных. М. Ооути помнил, как они подбирали брошенное на Сахалине имущество соотечественников — самурайский меч, ботинки, одежду [Ооути: 32]. Поэтому кое-чем у солдат можно было поживиться. Практически любая восточная вещь могла стать трофеем и сойти за заморский гостинец для неизбалованных советских людей. Как видно из рисунков, солдаты были рады любым пустякам — и шариковым авторучкам, и даже амулетам, ценность которых была не материальная, а магическая, но их можно было дарить. О том, на-

сколько маньчжурские трофеи были распространены в СССР, мы можем судить по разным частным воспоминаниям, например, «Полторы комнаты» И. Бродского. Да и в песне В. Высоцкого «Баллада о детстве» поется:

У тети Зины кофточка
С драконами да змеями —
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями...
Трофейная Япония,
Трофейная Германия...

У служащих Квантунской армии было и свое солдатское имущество. Постельное белье, сменная одежда, а обычные для японцев уже в то время шариковые авторучки были для красноармейцев диковинкой. Как вспоминала жительница Моршанска С. Долгова,

наши люди на вокзале этот эшелон несколько дней ждали. Но только японцы сошли на перрон, их тут же все кинулись грабить, в один момент оставили узкоглазых без штанов. Еще бы — ведь с собой в неведомую Россию японцы везли огромные тюки с добром: невесомые пуховые матрасы и подушки, несколько смен постельного белья, теплые куртки и штаны, новенькие фотоаппараты с цветной пленкой, краски для рисования и даже мешочки с приправами для риса [Сажнева: сайт].

Первой бедой, которая настигла плененных японцев, было мародерство. Здесь в одном действии мы видим утрату собственности, такой нужной, ведь солдат носит с собой только самое важное, да еще и в отсутствие возможности приобрести другую. Мародерство оскорбляло и унижало: сильные унижали слабых, победители унижали проигравших, всадники унижали пеших, вооруженные унижали безоружных. Как советовали Такэути в первые дни в СССР, «спрячь все ценности, иначе подвергнешься *Давай!*», то есть иначе отберут [Такэути: 36].

Как-то на марше по пути в Сибирь советский солдат, неожиданно подскочив на лошади сзади, на скаку сорвал одеяло, штаны и другие личные вещи и ускакал. Вот обида! Чем дальше заводили нас жестокие советские солдаты, тем ужаснее становился конвой. Начало сентября 1945 г. [Ёсида: 62].

Во время короткого отдыха несколько советских солдат снова предстали как разбойники с большой дороги. Они принесли еду и консервы для обмена на часы и авторучки. Угрожали нам оружием, грабили и толкали нас. Их злоба была непредсказуемой. Начало сентября 1945 г. [Ёсида: 64].

Досмотр личных вещей. Мы закончили трудовой день и вернулись в палатку. Там, как снег на голову, советские солдаты искали оружие и опасные вещи, но в действительности конфисковали все хорошее, что могли найти. В действительности это был грабеж. Это повторилось дважды. Как нам не везет. Конец сентября 1945 г. [Ёсида: 84].

При досмотре обычно забирали все ручки. После часов это был самый желанный предмет грабежа. Все хотели часы. Неважно — хорошие или плохие, лишь бы работали [Ооути: 73].

На рисунке Ё. Ватанабэ показано, как

ночью японский солдат шел в туалет, а охранник потребовал часы и ручку и убил его, а администрация решила, что солдат сам поднялся на вышку и потому был застрелен [Ватанабэ: 46].

Было несколько советских солдат, кто хотел выменять золотые коронки голодных японских пленным на кусок хлеба (рис. 62). Эти русские искали золото с таким энтузиазмом, что не скрывали радости и показывали, на какое место в рту они поставят коронку, если ее найдут. Некоторые даже не пытались получить согласие, а раскрывали рот силой, чтобы вытащить золотую коронку плоскогубцами. Январь–апрель 1946 г. [Ёсида: 107].

Надо сказать, что мародерство в рядах Красной армии в годы Второй мировой войны официально было запрещено, но начальство до поры до времени смотрело на это сквозь пальцы. Как только руководство решало, что пора прекращать, начинались наказания. Так, за пять месяцев 1946 г. в лагерях Хабаровского края конвойными войсками было совершено 430 нарушений воинской дисциплины. Виновными признавались обычно рядовые, которые «незаконно изымали имущество у военнопленных, потому что начальство не разъяснило личному составу, что подобные действия влекут за собой различные клеветнические измышления, направленные на дискредитацию и подрыв международного авторитета нашей Родины» [цит по: Кузьмина: 61]. Некоторые военнослужащие Красной армии были показательным образом за это наказаны. В приказе № 43 от 7.02.1946 г. по Амгуньскому ИТЛ и лагерю военнопленных № 5 в п. Хурмули утверждалось, что:

в декабре 1945 г. в лагункте 306 Сапко при обыске военнопленных отобрал двое шерстяных брюк, шерстяной китель, сатин, отрез шерстяной материи, три пары нательного белья, трое трусов, носки, полевую сумку. Приказал командиру батальона военнопленных достать трое ручных часов.

Военным трибуналом Сапко Н.Л. приговорен к шести годам лагерей с конфискацией украденного имущества [ОСФ ИЦ УВД ХК Ф. 9 — цит. по: Кузьмина: 61].

Для мародеров особо желанными были зажигалки, портсигары, шариковые ручки, обручальные кольца и ручные часы, которые надевали на запястье по две-три штуки [Такеда, Ватанабэ]. На карте «Ну» (2) Уэцухара рисует советского солдата, который на правую руку надел 4 часов и еще одни только что отобрал и хвастается перед вторым солдатом. Японские пленные находятся в унижительном положении, художник это показывает позой — они сидят на коленях. Подпись: *Советские солдаты — вору проводят личный досмотр, и офицеры воруют*. Отобранные часы в таком количестве должны были демонстрировать «богатство», а стали образами солдатского мародерства.

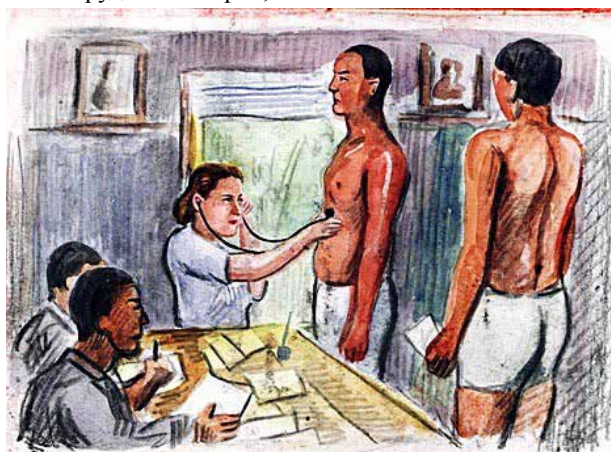
2. МЕДОСМОТР

Медицинский осмотр был регулярной процедурой освидетельствования состояния здоровья пленным и обычно проводился раз в месяц. Еще в июле 1942 г.

УПВИ разослало в лагерь директиву, в соответствии с которой руководство лагерей обязывалось проводить с помощью врачебно-трудовых комиссий (ВТК) ежемесячные осмотры военнопленных для определения степени их трудоспособности. В зависимости от физического состояния военнопленных были установлены четыре категории трудоспособности: к первой относились люди, пригодные для любых физических работ, ко второй — только для работ средней тяжести, к третьей — те, кто подлежал освобождению от работы или использованию только на легких внутрилагерных работах. Те, кто попадал в четвертую группу, направлялись в больницу или оздоровительную команду (ОК) и занимались стиркой, глажением, дезинфекцией, помогали на кухне, топили печь. Каждый пленный должен был указать свою категорию, полученную на предыдущем осмотре [Като: 59].

Эти категории, как об этом было сказано, устанавливались с помощью так называемого неприличного жеста врача или медсестры, которые определяли, осталась ли еще на ягодицах плоть, и устанавливали тех, кто уже мог считаться дистрофиками [Карнер: 103]. В чем же заключался неприличный жест? Процедура медицинской проверки на трудоспособность состояла в том, что врач оттягивал кожу на ягодице пленного, определяя отсутствие/наличие подкожного жирового слоя. Если кожа висела, человека направляли на более легкую работу.

Пленный раздевался, и врач осматривал верхнюю часть туловища. Затем он щипал грудь и смотрел, сколько мяса на теле пленного и как оно блестит. После этого

он разворачивал пациента и смотрел, много ли мяса в нижней части туловища. В этот момент врач старался ухватить нижнюю часть туловища пальцами и потянуть. Были те, у кого зад был упругим, круглым. Эти шли по первому классу. А если человек был ослаблен, то его зад был как спустившийся надувной шар. Так лагерные врачи без всяких приборов, только прощупав мясо на теле военнопленного, определяли его здоровье [Като: 59–60].

Поднадзорный рисунок 63 изображает пленников почти атлетического сложения, в белых трусах. Врач слушает легкие с помощью фонендоскопа [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 145. Л. 32]. Это изображение отличается от тех медосмотров, что показаны на постлагерном рисунке. Воспоминания, связанные с телесностью, только подтверждают зафиксированный в памяти зависимый статус. Рис. 64. Перед нами подпись на карте «И» (1) Ё. Уэцухары: «Прежде всего все побрили». Текст на рисунке *какой маленький* отражает удивление медицинского работника, уже взрослой женщины, малыми на ее глаз размерами детородного органа взрослого японца. Она не стесняется показать удивление взглядом, выражением лица и комментариями. Это унижение запомнилось и проявилось на рисунке спустя десятилетия. Вряд ли та же женщина посмела бы сказать такое русскому мужчине. Но пленный японец для нее — не ровня, не мужчина. Посмотрите, в каком смятении стоит человек справа, как отворачивается в неловкости и как оба по-женски прикрывают пах руками. Это

униженность пленением, голодом, наготой и ущербной маскулинностью, выраженной в сексуальной неполноценности, вернее символической эмаскуляции. Беззащитность голых плененных, которые стоят босиком и лишились даже волос в паху, подчеркивается контрастом с тем, как тепло одета медсестра: она в валенках, шапочке и держит в руках машинку для бритья. Карта «Ми» (1) подписана автором: жалкое мясо на ребрах и ягодицах (рис. 65). Перед нами изображение двух плененных мужчин. Автор показывает, что, по мнению врачей, главное в человеке — ягодицы и ребра, да и жалкое мясо подтверждает жалкий статус людей, которые сейчас представлены ребрами и ягодицами. На этом рисунке мы видим советского врача, в сапогах и фуражке, в белом халате поверх френча рядом с тремя голыми пленными. Один из них вновь по-женски прикрывает пах руками, второй сидит на полу практически в детской позе. Неравенство статусов художник выразил униженными позами представителей более низких статусов — женщин и детей, а также наготой плененных.

Лагеря военнопленных — это мужское гомосоциальное сообщество. Появление женщины в нем, даже вдалеке, а тем более — вблизи, вносило особое волнение в мужские ряды. Японцев удивляло, что высокий статус врача в советском обществе был доступен женщине. Удивлял и образ женщины — смелой, решительной, легко командующей мужчинами. Именно эти лагерные врачи, в основном женщины, руководили процедурой медицинского осмотра, именно их голос был решающим в вопросе: к какой категории отнести каждого пленного.

Таким образом, если в обычной жизни мужчина обладает правом щупать женский зад, то в условиях лагеря врач, чаще женщина, имевшая властные полномочия на распределение работ, в данных обстоятельствах значит и право распоряжаться жизнями, щупала зады плененных, и такая гендерная инверсия травмировала память, став одним из стойких образов лагерного унижения.

Это еще одна иллюстрация «политической анатомии», которую М. Фуко связывал с «механикой власти», производящей подчиненные, «послушные» тела. Явным образом мы видели, как тоталитарные режимы XX в. использовали миллионы людей в своих лагерях, принуждая их работать с необходимой эффективностью [Фуко: 201].

Таким образом, медицинский осмотр был процедурой селекции. Этот сюжет на карте «О» (2) Ё. Уэцухара подписал: щипает задницу: да, здоров. При этом мужчина совершенно голый, стоит босиком, да еще, видимо, побритый в паху, а женщина, находящаяся в помещении, в пилотке и кирзовых сапогах, а поверх гимнастерки белый халат. У нее завитые волосы и, можно сказать, равнодушное лицо. Зато у пленного странное лицо: оно как будто развернуто в три четверти, но мы видим только один глаз и одну поднятую бровь — практически над носом. Справа — лица, наблюдающие сцену. Для японской эротической гравюры было характерно присутствие наблюдателя. Зритель в данном

случае как бы подчеркивает, что не сексуально, а иначе женщина имеет мужчину. Этот сюжет — один из наиболее символических для визуализации низкого статуса пленных, некомфортная обнаженность тел которых зимой, в холодном климате демонстрирует социальное разделение и неравенство. Если в классической патриархатной модели женщина обычно обнажается для мужского удовольствия, то здесь граница власти пересекает гендер и проходит по национальным границам (рис. 66). Этот медицинский осмотр, как и тысячи других, был демонстрационным механизмом проявления власти, причем относительно слабой для патриархатного советского общества группы — женщинами, которые в этой ситуации приобретали статус экспертов. Это еще более усиливало унижительность положения для плененных японских мужчин.

Согласно Ж.-П. Сартру и М. Фуко, «взгляд», рассматривание есть реализация иерархических отношений между разглядываемыми и их над-смотрщиками: взгляд объективирует тех, на кого направлен, потому что исходит «от власти». Эта эстетика объективации участвует в превращении тел

в объекты не только внутри сюжета, но и для зрителя, потому что «индивидуальностей» как таковых в комнате для медосмотров уже нет, там лишь пространство для осуществления власти [Гапова: сайт]. Пленные, называемые даже в лагере друг друга господин такой-то, превращаются на медосмотре в послушные тела. Даже волосяной покров, который всегда индивидуален, сведен к минимуму.

Один раз пришлось мне оказаться перед женщиной-врачом в не совсем пристойном виде, комментирует свой рисунок Н. Киути (рис. 67). Перед нами трое худых, даже тощих плененных. В чем непристойность такого вида? Они стыдятся ситуации и вжали головы в плечи, опустили глаза. Художник так изображает троих

мужчин, что мы уверены, что им было стыдно и тогда. Мы не видим их детородных органов, будто их нет. И рядом с тремя стоящими босиком, вжав голову в плечи, сидят две женщины в сапогах, военной форме и шапке-ушанке. Зимняя шапка на тщательно завитых волосах свидетельствует, что температура в помещении низкая. Та, что слева, вальяжно устроилась в удобном кресле. На их лицах и в их позах нет ни малейшего напряжения, и даже ручка в чернильнице на первый взгляд торчит как ложка в чайном стакане. У женщин яркий макияж, отражающий послевоенную напряженность на брачном рынке, — алая помада на губах перекликается с красными звездами на солдатской ушанке, в целом мужском головном уборе. Женщины хорошо себя чувствуют на этом месте — военную одежду они носят не первый день — об этом говорят и погоны на плечах, и медаль на груди, и то, как ладно подогнана под женскую фигуру военная гимнастерка.

Вот как комментирует Ц. Хисанага свою картину «В комнате врача».

Проверка сама по себе довольно странная. Ущипнут ягодицу и по степени удлинения кожи определяют категорию. Женщина старается поднять класс, а японец — снизить. Он все же пленный, поэтому много больных товарищей определили в 1-ю и 2-ю категорию и выгнали на тяжелую работу [Хисанага: 40–41].

Выстраивалась вертикаль власти: лагерное руководство наверху, ниже советская врач — ниже японский врач — и внизу пленники. Заметим, что здесь врач стремится поднять класс. Многие лагерные врачи, помнившие о клятве Гиппократа, остались в памяти пленных, как и в памяти Н. Киути, который запомнил добрый голос советского врача.

Работа по переносу вещей со склада состояла в переносе исключительно тяжёлых вещей, поэтому без наличия физических сил с ней было не справиться. Японские пленные работали настолько хорошо, что врач — русская начинала волноваться по этому поводу. Особенно переживала она за самых исхудавших солдат, настойчиво укладывая их в постель: *Скорее спать! Голос у нее был очень добрый* [Киути: сайт].

Благодарности советским врачам, как упоминалось выше, встречаются в письмах альбомов отзывов, но нередко искренняя благодарность сохранялась в душе тех, кто был спасен советским врачом, и добровольно писал уже из Японии. Вот письмо бывшего пленного Мацуда Масао, написанное спустя 40 лет:

Наверное, Вы уже не помните, как в декабре 1945 г. меня привезли в качестве военнопленного в Анжерскую, тогда у меня был сильный жар. Я плохо помню, что происходило, т.к. был практически без памяти и без сознания. Говорят, что японские фельдшеры уже «махнули на меня рукой», считая, что мне осталось жить несколько часов. И тогда в госпитале появились Вы, д-р Коробченко, как ответственный за больных в лагере. Вы поставили диагноз — острое воспаление легких. После этого Вы двое суток без сна боролись за мое здоровье. Только Ваши титанические усилия и сердечная доброта позволили сохранить угасающие искры моей человеческой жизни и восстановить ее. Возможно, что для врача это и обычное дело, но для меня — в другой стране и в состоянии отчаяния — Ваша работа стала подвигом, сохранившим мне жизнь. За это я на всю жизнь остаюсь Вам благодарен так, что не могу выразить словами. В марте 1946 г., когда я наконец поднялся с кровати, в течение трех месяцев Вы продолжали контролировать мое здоровье и, наконец, в июне после специального консилиума с японским военврачом Ягихаси Вы, похлопав меня по ставшим совсем худыми плечам, сказали только одно слово «Домой». Тепло Ва-

ших добрых рук, доктор, я сохранил на всю жизнь. Когда я возвратился в свой дом, все были очень удивлены, т.к. никто не думал, что я остался жив... Мацуда Масао. 1.8.1984 [<http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=659618&language=1>].

Эта фотография из газеты «Нихон синбун» напоминает кабинет педиатра. Пленный похож на мальчика, хотя этот человек уже имел военный опыт. Ему неловко, он опустил взгляд (рис. 68). Визуальная инфантилизация взрослого пленного отражает политику деперсонализации в тотальных институтах, которая часто приводила к тому, что взрослые люди начинали вести себя как дети. Этот процесс показал Б. Беттельхейм, анализируя свое поведение и поведение других заключенных в Дахау и Бухенвальде [Беттельхейм: сайт].

Художник Тецуй Тиба, в 1945–46 гг. беженец из Мукдена, замечательно проиллюстрировал детскую книгу о мальчике, у которого отец

погиб в советском плену. Не имея личного опыта нахождения в советских лагерях, он ошибочно объединил два сюжета — медицинский осмотр и досмотр, во время которого не врач, но охранник проверяет задний проход, не спрятано ли там что-нибудь [Сибиряка ёкурютте: 10]. Данный пример показывает, что рисунки, иллюстрирующие личный опыт, могут быть достоверными историческими документами, а рисунки человека, имеющего похожий опыт, но в другой стране, способны исказить прошлое.

3. ПОВЕРКА

По команде «*На линейку*» все заключенные лагеря становятся на поверку на отведенной для этой цели площадке [Росси: 190]. Поверки или переключки проводятся для того, чтобы пересчитать поднадзорный состав во время утреннего вывода на работу и после работы. Вторая цель поверки — обыск и конфискация незарегистрированных предметов.

Из-за сбоев в счете охранников они могли длиться довольно долго невзирая на погоду. Как мы знаем из воспоминаний, на поверке могут продержаться более часа, но бывало и дольше.

Требовалось почти два часа для переключки 500 японских пленных. Это говорит об уровне математических способностей советских солдат. Ждать два часа — 120 минут — для физически ослабленных людей это слишком долго. Некоторые притапывали, махали руками слева направо, но и такие упражнения не могли согреть уставшие тела. Кругом были желтые пятна на снегу, так как люди мочились там, где стояли. Некоторые падали на землю. Мы ненавидели эти переключки. Как мы желали, чтобы они быстрее закончились. Декабрь 1945 г. [Ёсида: 104].

«*Раз, два, три, четыре, пять*» — «*сколько ни считай, всё равно ошибешься*». Наверное, это связано с тем, что японские солдаты строятся в колонны по четыре человека. Большинство молодых советских солдат были не сильны в математике и поэтому они тратили много времени на расчеты [Киути: сайт] (рис. 69).

Поверка по ночам и неприятные поступки советских солдат. Мы пытались заснуть несмотря на то, что были голодными, но нас подняли «на перекличку со всеми вещами». Мы смотрели на Полярную звезду и ждали конца переклички. Она долго тянулась, и в бараке, в котором остались только больные, советские солдаты искали часы и ценные вещи [Сато: 8].

Тот же сюжет рисует и Кинси Такэути: 20, 30, 40 — считает советский солдат. По 5 человек в ряду легко пересчитывать. — Сегодня немного теплее. — Прошу не ошибайтесь [Такэути: 49].

Невероятно, но среди советских солдат слишком много таких, кто даже считать не умеет [Уэцухара «Си» (2)] (рис. 70).

О том же писал и В. Шаламов: «Строили всегда по пятеркам, ибо таблицей умножения умели бегло пользоваться далеко не все конвоиры. Любое арифметическое действие, если его производить на морозе и притом на живом материале, — штука серьезная» [Шаламов: 58]. Об этом качестве — неумении быстро пересчитывать большие группы людей (примерно до 500 чел.) не раз писали и узники ГУЛАГа. Даже в Бутырской тюрьме, в которой количество заключенных в камере считали по их кружкам (вряд ли более 100), дежурный затруднялся со счетом. Он пересчитывал несколько раз, переставлял более симметрично, сбивался со счета, начинал сначала, забавно слюнил большой палец правой руки [Гинзбург 1991: 119].

Кроме простого пересчета поверка имела целью подтвердить отсутствие запрещенных вещей среди личных принадлежностей пленных. К таким предметам относились: топографические и географические карты, бинокли, компасы, холодное и огнестрельное оружие — словом, все то, что может пригодиться при совершении побега или нападения [Главное: 270]. Следует отметить, что суммарный улов запрещенных вещей также впечатлял. Например, в списке изъятых предметов в 1946 г. только по лагерю № 34 (49) значилось: ножей разных 706, отверток 10, ножниц 19, бритв 7, кирок 34, пил 6, железа разного 103 кг, напильников 3, топоров 15, секундомеров 2, серпов 1, ломов 22, лопат 56, молотков 132, денег 1340 иен [Спиридонов...].

Вот зарисовка о ежедневном обыске в воспоминаниях К. Като.

Нас выстраивали в пять рядов, и каждый стелил перед собой одеяло, на котором раскладывал свои личные вещи. Затем подходил офицер и строго смотрел, нет ли

среди имущества военнопленного ножа, лезвия, лекарств, магнита, карты. Считалось, что эти вещи необходимы в случае побега. Как правило, на одеяло выкладывали пальто, перчатки, головные уборы, белье. Все было очень грязное. Комплект одежды каждого человека был зарегистрирован у советского офицера, который отвечал за имущество военнопленных. Если среди этих жалких пожитков находили недозволенные предметы, их отбирали. Перед офицером приходилось отвечать, если что-то пропадало. Кроме одежды военнопленным разрешалось иметь мешки, пустые консервные банки, деревянные ложки и всякую мелочь. Консервные банки следовало заделывать так, чтобы о них нельзя было порезаться. У некоторых военнопленных было по 3, а то и по 10 таких банок для табака, сахара, соли. Хлеб и фотографии хранили в сделанных своими руками специальных мешках. Проверка отнимала много времени. К концу на специальном одеяле, куда офицер клал конфискованные вещи, выростали горы разного барахла. Иногда здесь оказывался нож или серебряная цепочка от часов [Като: 62–63].

Ё. Уэцухара на карте «То» (1) показал личный досмотр и подписал: все было отобрано и спрятано, остался голым. На карте «Ру» (1) изображен охранник, который лезет на верхние нары с намерением что-то забрать, у него хищное выражение лица и правая рука протянута в хватательном движении. Подпись гласит: охранник в отсутствие владельца хочет украсть.

Как говорилось выше, проверка была особенно унижительной из-за неоправданно затянутой процедуры пересчета усталых после тяжелого рабочего дня людей, неприятной из-за обысков и возможных конфискации и наказания. Это была дополнительная форма унижения, дважды в сутки подтверждавшая статус бесправного человека в бесправной людской массе.

4. ДЕЛЕЖ ХЛЕБА

Самый пронзительный, самый тяжелый сюжет всей изображенной сибирской эпопеи интернирования — сюжет о том, как голодные люди делили хлеб. Лагерный дележ хлеба тяжело видеть на картинах и читать его описание сытому человеку в XXI в. Каково же было находиться там, внутри изображения, там и тогда! (рис. 71). Двенадцать человек не сводят глаз с буханки черного хлеба.

Это было самой ненавистой обязанностью. В гробовом молчании все глаза направлены только на острие ножа. В наполовину вошедшей в землю комнате, под светом тоненькой самодельной свечи резали хлеб. Раздача еды [Киути: сайт].

В хлебе, испеченном из кукурузы, много воды. Поэтому на сибирском морозе хлеб замерзает и становится как металл. Когда приходит время еды, разрезать ножом его нельзя, и мы безуспешно пытались рубить топором, но он только крошился. Тогда мы попробовали резать пилой. Оказалось, что можно, но много крошек.

Мы их собираем и также делим на всех, иначе будут споры. При крайне плохом положении с едой все люди смотрят на одну на всех буханку хлеба [Хисанага: 22].

Распределение хлеба в бараке также рисовал и Исаму Ёсида (рис. 72).

Жизненным был вопрос о том, как поделить то небольшое количество еды, что у нас было. Каждый пленный пристально следил за взвешиванием, чтобы исключить махинации. Мы взвешивали ржаной хлеб на самодельных весах, чтобы всем достались одинаковые куски. Так же мы делили и гущу супа. Это было испытанием наших человеческих качеств. Позже мы решили довериться лотерее. Мы смирились, что погрешности неизбежны, и отказались от весов [Ёсида: 156].

Отказ от скрупулезного взвешивания в пользу жребия практиковался многими пленными. Об этом же писал Моринари Ооути.

Еду обязательно надо делить справедливо. Делить хлеб было трудно. Некоторые пользовались весами. Мы испробовали разные способы, но чаще обращались к жребию. Иногда выяснялось, что кто-то хитрил и получал больше [Ооути: 82].

Не только в аниме, но и в графике К. Сато видно, как глаза всех присутствующих прикованы к дележу и раздаче хлеба. Здесь лица прорисованы хуже, они темны, как будто отражают темные мысли и темные чувства, живущие в глубине души.

В одном поселке есть пекарня. В ней кто-то подменяет муку отрубями или гречкой. Поэтому мы ели только очень тонкие куски хлеба. Как-то из-за бурана телега с хлебом запаздывала, и мы ждали ее до ночи как ребенка. Мы резали хлеб пилой, и получалось поровну. Все внимательно смотрят на того, кто делит хлеб. Их глаза похожи на глаза собак [Ваганабэ: 261].

Процедуру взвешивания, когда пленник брал хлеб в долг, описывает Като Кюзо.

Когда нам раздавали хлеб, часто можно было слышать: «Эй, ты не одолжишь немного хлеба?» — «Сейчас, я только его взвешу». Тут же делали простейшие весы: брали маленькую палочку и посередине прикрепляли ниточку, а по сторонам привязывали свою и чью-нибудь еще порцию хлеба. Поскольку специального приспособления, которое позволяло бы поровну делить хлеб, не было, это обычно делал на глазок повар. Естественно, что куски были немного разные. И тогда один кричал другому: «Эй ты, гад, у тебя тяжелее. И почему эти повара так поступают?» [Като: 64].

5. Блохи, вши и клопы

Блохи, вши и клопы — спутники лагеря, они всегда там, где люди живут скученно, в антисанитарной обстановке. Они — верный признак условий, которые приближают человека к животному состоянию. Эти насекомые-паразиты мешали уставшим людям отдыхать, не давали заснуть. Они несли с собой не только диском-

низировали. Так «один пленный заметил блох у другого и сказал ему: у тебя на спине три большие блохи соревнуются» [Ооути: 52].

Досаждали и другие насекомые. Оути пишет: во время осмотра не нашли вшей, но нас замучили клопы [Ооути: 126]. Клопы прятались на потолке, когда люди засыпали, они атаквали нас как парашютисты [Ооути: 129]. Кстати, парашютистами называли клопов и в ГУЛАГе. В Освенциме к этому прозвищу добавились и другие: вшей называли *пехотой*, блохи были *артиллерией*, комары — *авиацией*, а лобковые вши — *санерами* [Леви: 122].

В лагере пленные стали сравнивать себя с насекомыми. Отношение к солдатам как в масштабах фронта ничтожно малым величинам, жизнь которых также висит на волоске, но которые в своей массе способны нанести вред противнику, — видна в их шуточной солидарности с насекомыми.

Уничтожая в свободное время насекомых, японцы подшучивали друг над другом: — Смотри, какая большая белая вошь! — Моя такая же, даже больше твоей. — Слушайте, товарищи, эти вши вместе со мной приехали в Сибирь с фронта, они мне как родственники. — Да-да, это точно [Ёсида Ю.: сайт].

Однако, как вспоминал Хидэюки Айдзава, такое действие, как уничтожение насекомых, могло стать для офицера по фамилии Жук поводом для наказания. «Он увидел на стене след от убитого клопа, разозлился и спросил: “Кто нанес вред имуществу Советского Союза?” Преступник нашелся сразу и был посажен на гауптвахту. Мы не могли так просто даже клопа убить» [Чернова: сайт]. Бывший военнопленный из Венгрии Иштван Эркенъ упоминает, как его товарищ поедал вшей и гнид, объясняя свои действия так: каждая капля крови, которую у тебя высосут, снова попадает в организм: то есть не станешь сильнее, но и не ослабеешь [Эркенъ: 237].

Клопы, вши и клещи. Клопы не давали спать, вши вызывали сыпной тиф. Чтобы не было вшей, надо было брить волосы, даже на лобке. Клещи тоже мучили нас, кусали яички. Из-за этого нескольким солдатам пришлось обратиться к врачу [Ёсида Ю.: сайт].

Как известно, тифозные вши имеют на спинке красное пятнышко. В Освенциме «без усталости любили повторять, что, если посмотреть на это пятнышко в увеличительное стекло, можно разглядеть крошечные серп и молот» [Леви: 122].

Боролись со вшами с помощью дезинфекционной камеры или вошебойки, специального устройства для истребления вшей жаром. Она была при бане в каждом лагере, куда сдают вещи до помывки и получают уже после нее. Кожаные и меховые вещи от прожарки приходили в негодность, от высокой температуры садились и шерстяные вещи. Несмотря на высокую температуру гниды оставались, хотя вши погибали [Росси: 63]. Ооути запомнил, что

прокипятили не только одежду и белье, но шапки и одеяла, но через 2–3 дня блохи снова появились. Это потому, что блохи остались в амулетах, ведь амулеты мы не кипятили [Ооути: 60].

Разумеется, поиски вшей не могли быть изображены в альбомах благодарности, но была нарисована вошебойка как средство, помогающее пленникам жить. Вши изображены на карикатурах в альбомах отзывов. За полуодетым японским пленным с несчастным выражением лица стоит советский солдат в брюках-галифе

и пилотке, справа от него вошебойка. Мертвые вши на полу — вот результат этой работы [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 25].

В лагерях ГУЛАГа, если была возможность выйти за пределы лагеря, то в теплое время года применяли народное средство — зарывали одежду в землю. Как описывал В. Шаламов,

мы сняли белье и закопали его на ночь в землю, каждую рубаху и кальсоны порознь, оставив маленький кончик снаружи... Действительно, наутро вши собрались на кончиках рубах... Вшей мы сожгли, поднося рубаху к горящей головне из костра. Увы, этот способ не уничтожил гнид, и в тот же день мы долго и яростно варили белье в больших консервных банках [Шаламов: 34].

Не было спасения и от комаров, особенно в лесу.

Ночью нас укусили комары. Японец: *Совсем не понятно, где лицо. Даже смеяться нельзя.* Вчера вечером действительно была огромная туча лесных комаров [Такэути: 179].

Надо отметить, что женщины, например, в Освенциме и ГУЛАГе, легко помогали друг другу и искали насекомых в волосах и одежде у подруг или соседок, в то время как мужчины в этом друг другу не помогали. Похожий тип отношений — груминг — отмечается, например, у многих видов приматов. Получается, что женщины легко использовали груминг, а мужчины отказывались от него, значит, некоторые идеи Вигена Геодакяна о женщине как хранительнице архаичного имеют основания.

Вшивость — норма для диких животных. Если появляются у человека вши, значит, у него нет условий для соблюдения личной гигиены, которая сама стала итогом длительной культурной эволюции человека. К тому же большая скученность в бараке усугубляла проблему и сразу делала ее массовой.

Однако вши были и признаком жизни. О своем только что умершем друге Ёсида писал:

Январь–март 46. Должно быть, около десяти минут назад он испустил свой последний вздох. Могу сказать, что вши, которые были у него, стали выползать одна за другой, как будто они не хотели иметь ничего общего с трупом. Это было такое ужасное зрелище [Ёсида: 126].

В середине XX в. пленники были отброшены в гигиеническом смысле до самых архаичных форм, потому что таким человеческим стадом было легче управлять. Грязным, вшивым людям, живущим в плохих условиях, трудно сохранять самоуважение, ощущение несвежести собственного тела угнетало людей, привыкших к чистоте как необходимости. Поэтому эти крохотные кровососущие насекомые заняли свое непропорционально большое место в воспоминаниях пленников, так как стали симптомом стадности и низкого для человеческого сообщества уровня — не жизни, а существования.

6. Нечистоты

Принято считать, что лагерь — это контроль и охрана, изматывающий труд, плохие санитарно-гигиенические условия и, наконец, голод. Однако лагерь — это, в первую очередь, и чудовищные отхожие места, понос, неизбежный в таких санитарно-гигиенических условиях, запор, неизбежный при полном отсутствии жиров в рационе [Котек, Регуло: 225].

Тема экскрементов завоевала свое место в научной литературе: психоанализе, теории карнавала, антропологии — в контексте нечистого как опасного или места туалета в разных культурах. Но во многих других отношениях отхожее место и экскременты так же невидимы в науке, как и в культуре, изредка всплывая как деталь повествования.

Как мы знаем, травмированная память часто удерживает и фиксирует наиболее болезненные сюжеты. Люди, прошедшие ГУЛАГ, часто вспоминали, что кроме непосильного труда самыми тягостными были отсутствие приватности и, особенно, публичность интимных процедур. Не только баня, но и туалет перестали быть личным делом, и опыт преодоления стыда стал характерным сюжетом воспоминаний о депортации калмыков, армян, чеченцев.

Как можно было преодолеть культурный багаж поколений и бороться с привычными этническими и половозрастными стереотипами поведения? Взрослые мужчины должны были научиться оправляться на людях при отсутствии необходимых гигиенических принадлежностей. Это сопровождалось внутренней борьбой в каждом человеке, потому что нужды человеческой природы были важнее культурных конструкций общества, но это противоречие было сложно преодолеть. Коллективная телесность вырабатывала новые коллективные правила гигиены.

Японская культура, по определению Р. Бенедикт, — в отличие от культур вины с абсолютными стандартами морали и опорой на человеческую совесть — это культура стыда. В ней человек стыдится того, что дал повод себя осмеять, но мощная санкционирующая сила стыда нуждается в реальной или воображаемой публике [Бенедикт: 156–157]. Эффект стыда усиливается, когда на всеобщее обозрение выставляется то, что человек, следуя общепринятым нормам, хотел бы скрыть.

Описывать словами сюжеты, связанные с туалетом и экскрементами, непрофессиональным авторам было нетрудно, порой даже в поэтической форме.

Сидим в уборной
И вместе срем.
У всех понос [Нисимура 2004а: 18].

Во многих воспоминаниях встречаются на первый взгляд неуместные, но важные для авторов подробности о характере стула, поскольку все же в предложенных обстоятельствах экскременты были доказательством жизни, пусть и невеселой. Так, даже в кратких воспоминаниях содержится упоминание о «сильных запорах из-за того, что сено с шелухой наши желудки с трудом переваривали». Внимание к тому, как справлялись советские люди с естественной нуждой в отсутствие общественных туалетов, также отразилось в воспоминаниях.

Видимо, из-за того, что нарисовать иногда легче, чем найти подходящие слова, мы встречаем довольно много изображений лагерного туалета.

Утром, когда у всех много дел, мы сидели рядом и испражнялись. Нет стыда, нет заботы о приличиях, поскольку все одинаково освобождались от своего дерьма [Сато 1979: 138].

Беспомощность и бессилие пленных отразились в воспоминании об удвоенном унижении: как справляли нужду страдавшие куриной слепотой, тем более что при дефекации человек особенно беззащитен.

По вечерам мы выносили бак, доверху наполненный нечистотами, и сливали их в большую яму, вырытую во дворе. Интересная была работа. *Смотри, не пролей дерьмо* [Киути: сайт] (рис. 74).

Нарисованный Нобуо Киути бак для испражнений — с ручкой, были баки и с двумя ручками и съёмной крышкой, их называли параша. Полная параша могла весить 120 кг, ее выносили два человека [Росси: 270]. Зловонный нужник

мог стать единственным безопасным местом для дружеской беседы, для обсуждения сокровенных дел или тайных планов побега [Като: 161].

Уборная под открытым небом, отгороженная соломенными циновками, служила местом секретных разговоров боевых товарищей. Например, *я сегодня гадал, и выпало, что я скоро смогу вернуться домой* [Киути: сайт].

Бывало, что на верхних нарах мочились в банки или обувь и выливали или поносили, а внизу страдали от грязного наводнения — вообще сплошные ссоры, несмешные комедии и смешные трагедии... Идти в туалет и обратно обязательно надо бегом. Сядешь в туалете и сразу «давай, давай!» Дают только минуту каждому. Нас торопят, но из-за нехватки влаги у нас запор, и мы не можем быстро испражняться. Нас прерывают и ташат. Половина кала остается в кишках и целый день неприятно. Страдание из-за нехватки времени для туалета — ад для данного человека и карикатура для посторонних [Ясуто: 146–147].

Что толку говорить ему, что мне нужно в туалет, он все равно не понимает слов. Боясь, что могу сбежать, он всегда смотрел, что я делаю, стоя рядом. А у меня из-за этого сам процесс никак не получался [Киути: сайт].

Н. Киути смеется над ситуацией: пока есть пленные, война еще не закончилась, и страдают обе стороны. И обнаживший свой зад пленник и его охранник вынуждены вдыхать один и тот же запах — так охранник испытывает те же прелести тюрьмы, что и заключенный, за которым он следит.

Золотая башня (башня наказания). В Сибири, где ежедневно температура опускается ниже -30°C , говно в уборной собирается не горизонтально, а поднимается как пирамида, вроде башни, и в конце концов высота башни превышает рост человека. Если у кого-то понос, и он быстро присядет, то исцарапает жопу. Если кто-то почему-то рассердит советского надзирателя, его посылают в наказание разрубить эту гигантскую золотую башню — башню испражнений. Ужасно и очень трудно заниматься

этим. Башня твердая как камень. Осколки льда из мочи попадают в глаза, в нос и даже в рот — это кошмар. Поэтому после работы, когда мы греемся в здании и все крохотные кусочки говна тают, уже от вони страдают не только тот, кто выполнял работу, но и окружающие [Хисанага: 54] (рис. 75).

Человеческие экскременты, на первый взгляд, находятся вне пределов культуры и легализованы только в пространстве сна, в котором они означают богатство. Во многих языках есть метафоры, подразумевающие это тождество: экскременты — деньги. В психоаналитических и антропологических исследованиях достаточно широко представлены различные связи между деньгами и фекалиями, которые зафиксированы в мифах различных культур и, наконец, в сновидениях. Недаром в русском языке профессия ассенизатора получила название *золотарь*. В этом контексте японские образы фекалий помогают переформулировать прошлый опыт, в котором лагерь остался в первую очередь символом подневольного бесконечного труда, в других условиях, безусловно, приведшего бы к материальному успеху.

Столь зримое присутствие экскрементов в жизни оскорбляло стиранием границ между человеческим и скотским существованием. Так было по всему ГУЛАГу; возможно, этим достигалась одна из целей пенитенциарной системы в СССР: убить человеческое в человеке, превратить людей в толпу, в стадо.

Упоминание собственных испражнений является актом осознанного самоунижения: я значим не больше экскрементов, но существую и могу производить хотя бы это. Возможно, этот прием используется превентивно: человека, который говорит о себе самоуничиженно, трудно обидеть. Видимо, в этом и заключается социальная установка высказываний о нечистотах — поделиться своей историей в поисках сочувствия и сопереживания.

Наряду с чисткой зубов испражнение было одним из немногих действий, которое заключенный делал только для себя. Хотя в воспоминаниях упоминаются и оправки по приказу, но в рисунках чаще фигурируют те, что были по естественной нужде. В то же время наблюдать свои испражнения было в некотором роде и церемонией уточнения своего существования.

Разумеется, экскременты были и метафорой той самой жизни, какой человек долгие годы жил, выражаясь по-русски, *в полной (говном) жопе*. Страницы о нечистотах — это гимн жизни во всех ее проявлениях, даже низких, ее карнавальное воспевание.

При сильном морозе испражнения сразу замерзали и росли как сосульки наоборот... Эти конусы дерьма надо разбивать ломом, вычерпывать совком, складывать в соломенные мешки и выносить. Их сколы отскакивали и попадали за перчатки, на обувь, пальто, на шею и после возвращения в теплый барак таяли и невыносимо воняли [Сато: 138].

Уборка городского общественного туалета — тяжелая работа. Испражнения растут из круглых ям больше чем на пятнадцать сантиметров и замерзли крепко, стали как камень. Трудно представить, каким образом люди испражняются здесь. В туалетах кал везде. Буквально некуда ногу поставить [Ооути: 109].

Используя метафору чистки отхожего места, авторы очищают свою память от непереносимых воспоминаний. В памяти накопились завалы жизненного опыта, и самые тягостные сюжеты надо вычерпать как кал: разбить, уничтожив, как золотую башню, и выбросить, освободившись от них навсегда, подобно тому, как человек

освобождается от своих экскрементов. Перенести непереносимые воспоминания на бумагу в стихах, прозе или в рисунке, анимэ или живописи — так можно позитивно переработать травму, облегчившись от тягостного груза впечатлений.

7. САМОКАЛЕЧЕНИЕ, ИНВАЛИДНОСТЬ

Первые партии репатриантов состояли из хронических больных, инвалидов, длительно нетрудоспособных. Чуть ли не единственной возможностью для японских пленников вернуться на родину становилась потеря трудоспособности, и это толкало их на путь членовредительства и сознательного истощения [Катасонова: 91]. Для многих японских пленников самокалечение замысливалось как прием малой жертвы ради выживания, они не знали, что в СССР самокалечение было уголовно наказуемо. Руководство ГУПВИ имело приказ: по всем установленным случаям симуляции и членовредительства проводить расследование для привлечения виновных к уголовной ответственности и приговоры трибуналов по делам членовредителей оглашать перед строем военнопленных [Военнопленные: 681].

Красноречива картина Хисанага, где с точностью протокола зафиксированы действия саморуба.

Молодой офицер, уже без военной сабли, в постыдном положении военнопленного находится между японскими пленными и советской стороной. Он влачил жалкие дни, страдая от внутреннего конфликта из-за офицерского звания, терпел сколько мог, но не выдержал и отрубил себе пальцы, надеясь, что его отправят домой [Хисанага: 50] (рис. 76).

К самокалечению прибегали как к прагматическому акту жертвы малым ради большего. Это всегда риск, потому что нельзя быть уверенным, что увечье будет таким, как запланировал человек, а не разрушительнее, а также что замысел не будет разгадан и человека не накажут. Вот размышления на эту тему, планы и страхи Ё. Ватанабэ который скрывает свою профессию и поэтому хочет спрятаться в больнице.

Я решил бросить камень себе на ногу. Если моя нога надолго распухнет, наверное, меня пошлют в другую больницу. Там я постараюсь скрыть, что я — полицейский. В лагере все крепко спят. Я тихо вышел из лагеря, пошел к речке, взял камень и бросил на ногу. Очень больно. На небе луна, моя нога распухла и почернела [Ватанабэ: 266].

Расставание. В северную больницу. Начало сентября. — *Камфара. Быстро побрить голову. Парикмахер: страшное ранение. Друг: мы все контрэlementы, но нам можно домой. Вам грозит срок в семь лет. Сейчас у Вас ранение в голову. Поэтому делайте вид, что Вы — сумасшедший и тогда будет домой. Я: все говорят, что рана страшная, но я не чувствую боли. Попробую сделать вид, что сошел с ума. — В 10 часов я уйду отсюда. Накамура, до свидания. Здоровья Вам [Ватанабэ: 333].*

Кроме умышленного самокалечения сотни пленных получали ранения на лесоповале, в результате несчастных случаев на стройках; бывало, им ампутировали конечности в результате гангрены, которая развивалась вследствие обморожения. Как показывают многочисленные образы на картинах и рисунках, таких увечных людей среди пленных было немало.

Японские пленные знали, что вернувшиеся во время войны с фронта инвалиды в Японии получали специальный значок, свидетельствующий о боевом ранении, но для большей приметности они надевали белые одежды, говорившие о «непорочности» их ран. Во многом это было обусловлено страхом, что их примут за «обычных» калек, которые подвергались дискриминации. Так как в бане одних инвалидов было невозможно отличить от других, ветераны просили учредить специальный «телесный знак», чтобы всем было видно боевое происхождение их увечий [Мещеряков 2009: 401].

Ущербные образы плена хорошо видны в творчестве С. Миязаки. Его полотно «Одинокий человек» изображает фигуру со странными, почти квадратными пропорциями (рис. 77). На картине Миязаки «Заключение» мы видим строй пленных, но это неполноценные люди — не у всех есть руки, головы. Снова травма говорит о себе образами нехватки, ущербности. В плену человек перестает быть полноценным, даже если внешне у него все в порядке, это только видимость полноценного человека, он — инвалид, он неспособен на свободный выбор в жизни, опыт лагеря дает о себе знать.

Пленные для С. Миязаки — увечные люди, кто без рук, кто без ног, кто без головы. Иными словами — это люди, отличные от нормативной физиологической формы, отличные от настоящих солдат, которыми уходили на фронт. Но как настоящие японские солдаты не попадают в плен, так в памяти художника пленные как ненастоящие солдаты оказались калекками. Среди них были и инвалиды по зрению.

Солдат с искусственным глазом не бывает. Но с нами было несколько солдат с искусственным глазом, их призывали в Китае. Мы узнали об этом во время эксгумации останков в России, когда среди костей умерших находили черепа с искусственным глазом [Саго: 47] (рис. 78).

Действительно, в японских медиа прозвучала история о том, как по искусственному глазу родственники опознали и в 1990-е гг. прах пленного. Искусственные глаза, как и искусственные хрусталики в военное время в Японии не были редкостью, их производство, как и производство других протезов успешно развивалось, и они предоставлялись государством бесплатно [Мещеряков 2009: 401].

В СССР также тысячи солдат вернулись к мирной жизни, оставив на полях сражений кто руки, кто ноги, а многие и руки, и ноги. В народе их называли обрубками, самоварами, чемоданами. В конце 1940-х гг. безногие и безрукие, не имевшие близких родственников, были собраны со всей страны и свезены в спецучреждения, созданные на территории разрушенных монастырей вдали от людских глаз. Их ждала невеселая жизнь полностью зависимых от медицинского персонала людей. Такая же, практически полная беспомощность пленного помнилась японским художникам спустя много лет после плена, и на языке травмы она отражалась в терминах нехватки — в образах безруких, безногих, безголовых людей, человеческих обрубков.

Пройти испытания войной и пленом, оставшись совершенно здоровым, оказалось невозможно. Травматические военные практики не могут не отразиться на каждом участнике войны, тем более на военнопленном, даже если внешне он похож на здорового человека. В СССР это понимали в первую очередь режиссеры военного кино, в которых инвалидность прямо трактовалась как метафора испытаний (Е. Смирнова, П. Романов).

8. САМОУБИЙСТВА, СМЕРТЬ, ТРУПЫ

Сибирское интернирование японских военнопленных стоило жизни десятой части вывезенного в СССР плененного состава Квантунской армии. В военное время жизнь японского солдата стоила только 1 сэн 5 рин,²² как говорили в те времена. Ровно столько стоила почтовая карточка, призывающая мужчину на войну [Такеда: 1996]. Государственная идеология призывала мужчин отдавать свою жизнь ради императора.

В милитаристской Японии начала 1940-х гг., как пишет А. Мещеряков, тело новобранца, только что призванного в армию, по умолчанию уже рассматривалось как тело мертвое. Новобранцу срезали прядь волос и обстригали ногти, которые было положено помещать в погребальную урну [Мещеряков 2012: 402].

На войне солдат встречается со смертью почти каждый день. Военные действия Япония вела 15 лет, и газеты ежедневно сообщали о том, как герои погибают ради императора. Однако люди продолжали гибнуть и после рескрипта императора от 15 августа 1945 г., но не в бою, а от голода, холода, в результате агрессии охранников и несчастных случаев на плохо организованном производстве.

Еще В. Шаламов на вопрос «может ли узник лагеря жить надеждой?» отвечал: если не дурак, он не может жить надеждами. Поэтому так много самоубийств [Шаламов: 71]. В нацистских лагерях, наоборот, количество самоубийств было невысоким. Казалось бы, у военнопленных оставалась надежда на возвращение домой. Возможно, что лагерное время тянулось гораздо медленнее, ослабленному человеку надеяться на чудеса было трудно.

22 Это 1,5% от 1 йены в тот период.

Решение покончить счеты с жизнью, преодолевая инстинкт жизни, пленным из Японии было легче, чем пленным из других стран. Они помнили лозунг недавнего военного времени: «Когда есть выбор между жизнью и смертью, всегда лучше умереть!» [Мещеряков 2013: 170]. Да и «Памятка японскому солдату и младшему офицеру» указывает, что «смерть на фронте — это обязанность военного человека», «при угрозе плена популяризовалось самоубийство» [Катасонова: 41].

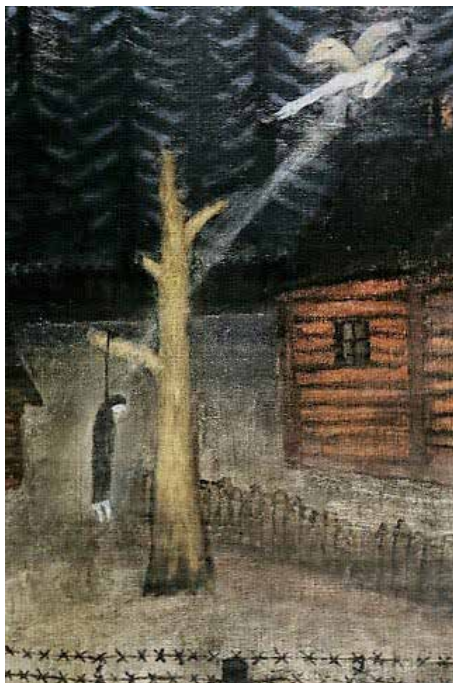
Отмечают такие трагические истории и авторы дневников. Например, Ё. Ватанабэ описывает как одиннадцать телефонисток на Южном Сахалине, узнав о приближении Красной армии и опасаясь надругательства со стороны советских солдат, предпочли все разом уйти из жизни [Ватанабэ: 23]. При этом яд был у девушек под рукой, они как будто были готовы к такому исходу.

Комментарии к рисункам и дневники описывают самоубийства или размышления о возможности такого шага, которые приходили, видимо, ко многим пленным.

Лагерь окружен высоким деревянным забором, вдоль которого протянута колючая проволока. Кто подойдет к ней, в того стреляют. Как-то ночью сумасшедший соратник был охвачен мыслью, что за забором Японское море. Он не мог больше терпеть и ночью полез на ограду. Не увидев моря, он отправил свою душу к Японскому морю [Ооути: 74].

Я нечаянно взглянул на одно большое дерево, которое стоит в лагере. Оно почти умерло. Вдруг я испугался. Мой взгляд наткнулся на что-то неожиданное. Это висело тело моего соратника, уставшего жить. Я молча помолился за него и за его душу, чтобы она вернулась как можно быстрее к матери, на родину. Заодно я пообещал себе не терять надежду, хотя ее осталось так мало [Хисанага: 70] (рис. 79).

Дерево, изображенное в центре картины — неживое, его ветви обрублены, нет листьев. Только горьким плодом висит тело пленника, уставшего жить, как эмпатично формулирует причины самоубийства Ц. Хисанага. Мертвое дерево с мертвым плодом вызывает ассоциации с работами Жака Калло (Большие бедствия войны, 1633), на полотнах которого также на ветвях повисли те, кто проиграл в войне [См. его «Дерево повешенных» в серии «Большие бедствия войны», 1633].

Поведение самоубийц, как утверждал Б. Беттельхейм, показывает, что принуждение имеет свой предел. Дойдя до определенной черты, человек предпочитает смерть животному существованию. Но путь к этому ужасному выбору начинается с инерции. Те, кто ей поддался, кто перестал черпать жизненную энергию в окружающем мире, не мог больше проявлять инициативу и боялся ее в других [Беттельхейм: сайт].

Были смерти по неосторожности, недосмотру и жестокости охранников.

Ефрейтора К. заставили поднять бревно, ему стало жарко, и он хотел раздеться. Охранник подумал, что он хочет напасть на него, и застрелил. Ефрейтор скончался

на месте. Были ранены еще двое. После этого отношение охраны стало чуть мягче [Ооути: 77].

Исхудавшие пленники еще живы, но уже напоминают мертвых.

К концу января мы похудели и ослабли. В январе и марте наши лица похожи на лица мертвецов [Ваганабэ: 223].

Тема смерти, трупов — одна из центральных для травматической памяти. Многие художники рисуют и описывают посмертную судьбу тел своих соратников. Благодаря свойству мужской памяти хранить технологические подробности мы узнаем о вскрытии мертвых тел и их погребении. Ё. Уэцухара рисует, как врач зашивает иглой вскрытое тело и подписывает карту «Но» (2): врач непрерывно занимается вскрытием трупов.

Морг. Когда пленный умирает, его обязательно вскрывают. Это делается не для медицинских исследований, а для предотвращения побегов. Вскроют живот и зашьют. Потом кровь из ведра выливают, а тело увозят [Саго: 33] (рис. 80).

Когда в товарище гаснет огонь жизни, его труп уносят в специальную комнату — морг. Морг — невероятно убогое помещение. Оно не отапливается, и труп за ночь коченеет. Поэтому переносить его в могильную яму или перевозить на санках надо очень осторожно.

Труп при падении может сломаться на две или три части. Мы стараемся все сделать наилучшим образом, чтобы души умерших спали спокойно. Но живым пленным, у которых физических сил совсем мало, провозить товарищей в последний путь довольно тяжело [Хисанага: 61] (рис. 81).

Рыть могилу — работа для слабых пленных. Чтобы вырыть ее зимой, сначала надо развести костер, чтобы оттаяла земля. Копали не очень хорошо, яма была неглубокая. Умерших клали голыми и засыпали снегом [Саго: сайт] (рис. 82).

Перевозить по двое. Вместо рубки леса я вожу на санях деревья, но никогда не перевозил трупы. Другие перевозили погибших, которых было примерно 70 тыс. [Саго: 30].

Об этом написаны стихи:
Один погиб.
По два тела
На санях увозят [Саго].

Как было принято в лагерях СССР, к трупу обязательно прикрепляют бирку или ярлык — фанерную дощечку, которую по инструкции до погребения привязывают к большому пальцу левой ноги мертвого заключенного. На бирке выписывают номер личного дела покойника простым карандашом, который дублируется на колышке на месте погребения. Труп погребается голым или в наихудшем казенном белье [Росси: 30].

Мы разбили палатку и на узкой площадке спали, как селедка в бочке. Мы помещались только валетом. <...> Позже, когда мы хоронили товарищей, по приказу мы еще раз положили мертвые тела валетом [Хисанага: 32].

Чтобы хоронить наших товарищей, чья жизнь, увы, закончилась, мы должны были получить разрешение советского начальства. Суровый характер промозглой русской зимы трудно представить. При температуре ниже $-30-40^{\circ}\text{C}$ земля совершенно замерзает. Неважно, с каким трудом мы долбили ее кайлом, оно только отскакивало от поверхности. Только разогрев костром землю, мы могли продолбить ее на глубину не более 10 см, такая она была твердая. К тому же у нас не было столько дерева, чтобы жечь. Поэтому мы были вынуждены оставлять мертвые тела наших друзей без одежды, слегка присыпав землей, песком и снегом. Мы оставляли маркеры на могиле — маленький кусочек дерева и немного воды в котелке, без всякой еды. Это и была вся погребальная церемония, все, что мы могли сделать. Чувство опустошения накрывало нас. Январь 1946 г. [Ёсида: 136].

В ноябре 1945 г. во все лагеря была разослана директива НКВД СССР № 201 «о порядке погребения трупов военнопленных японцев», в которой говорилось, что поступают запросы на разрешение кремации трупов умерших в соответствии с национальным обычаем. В ответ разъясняется: захоронение трупов военнопленных японцев производить путем предания земле в соответствии с приказом НКВД СССР № 001067 от 7 августа 1941 г. [Военнопленные: 477].

В 90-е годы на месте японских могил, там, где они сохранились, можно было определить, в какое время года было совершено погребение. Холмик — значит, летом хоронили, провалившаяся могила — зимой. И снова археология памяти встречается с раскопками могил — нередко раскопки на месте японских могил походили на научные — по жетонам, кружкам и другим мелким предметам восстанавливались имена погибших.

Даже простые похороны многих наших товарищей должны были быть под наблюдением советских солдат. Все, что нам удавалось положить с телами наших соплеменников, друзей, были палочки для еды хаси. Одежда и другие дефицитные вещи были распределены между выжившими друзьями, чтобы помнили мертвых. Трупы были абсолютно голыми. Что за унижительный путь! Что они чувствовали в конце своей жизни? Во время похорон мы стояли без каких-либо высоких слов, и я тихо молился за свое счастье в другом мире.

Я видел, как многие наши товарищи умирали в палатке. Г-н Сакамото из г. Охидо, который был единственным человеком из Нары, как и я, страдал от поноса, недоедания и не мог двигаться. У него также было затруднено дыхание. Я должен был уехать на день и попросил его дожидаться, пока я не вернусь с какой-нибудь едой для него. Однако когда я вернулся, его не было. Конец февраля 1946 [Ёсида: 146].

Молящийся. В полночь, когда шел мелкий снег с сибирским ветром и температура была экстремально холодной — 60 градусов ниже нуля, я видел души умерших людей, летевшие по небу в сторону Японии. Я был просто парализован от удивления. Я увидел множество обветренных черепов, покрытых снегом, рассеянных повсюду. Я сел и стал молиться. Конец декабря 1945 г. по март 1946 г. [Ёсида: 138].

Изображая умершего товарища, каждый художник думал о своей судьбе, о том, кто же изобразит и оплачет его смерть. Н. Киути по-своему формулирует, по ком звонит колокол. Похожая атмосфера обреченности советских людей в период массовых репрессий конца 30-х гг. описана Л. Гинзбург формулой: раньше это была лотерея, теперь это очередь [Гинзбург: 422]. Эти мысли — лотерея или очередь, и когда наступит твой черед — угнетали. Все это отразилось в сюжете смерти и погребения друга.

Кто-то умер, и мы вдвоем с товарищем пошли копать могилу. На холме много грубо сколоченных деревянных крестов, под которыми похоронено много японцев [Ооути: 141].

Сибирская зима наступает быстро. Как только падает температура, сразу увеличивается количество смертей. Из-за того, что летом пленные работали до изнеможения, когда наступил генерал Мороз, многие, утратив физические и душевные силы, умирали. Однажды господин Б. вдруг начал рассказывать о родине, о матери и блюдах, приготовленных ею. Я очень удивился, почему он стал болтуном? Но он все говорил и утомил меня. Утром, когда я подошел к его кровати, обнаружил, что он уже ушел в иной мир, мир вечного молчания [Хисанага: 20–21].

Рано утром мы должны были выехать на работу. Я пытался разбудить моего товарища, трогал его плечо. Я думал, что он крепко спит, и стал кричать, чтобы разбудить его, но его тело было уже холодным. Я был поражен. Накануне, перед тем как мы заснули, он сказал мне слабым голосом: «Я очень устал. Я не думаю, что смогу завтра утром работать». Я ответил: «Крепись! Мы все будем помогать тебе в работе, так что не нужно беспокоиться!» Когда я глянул в его мертвое лицо, увидел следы от слез — он должно быть думал о своей семье в Японии. Он часто говорил о своей матери. Она, видимо, его очень любила. Его смерть опечалила меня. Январь-март 1946 г. [Ёсида: 126].

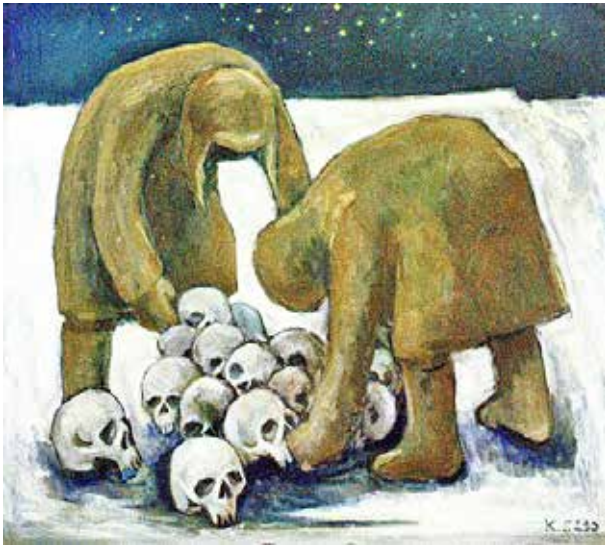
Работа Сина Миязаки «Голос друзей» (рис. 83) перекликается с образами смерти в «Сибирском цикле» Я. Казуки. Черепы и кости в таком обильном количестве буквально предвосхищают так называемые «могильные»

туры — поездки в Россию в поисках захоронений японских военнопленных, раскопки останков и вывоз мощей (рис. 84). На многих полотнах изображены символы смерти — черепа и кости, а на одной из работ Казуки композиция напоминает пиратский флаг (рис. 85). Черепа становятся регулярной темой для Ясуо Казуки. Его обращение к этим образам говорит об отношении к гибели товарищей по плену как к жертвам пиратского произвола. Изображенные им черепа цепляют глаз, как пункту на фотографии, они нетипичны. Глазницы находятся на разных уровнях, и отверстие в носовой части неправильной формы, не похожа и челюстная часть черепа. В этой антропологической неправильности заключается послание автора. Лагерный опыт меняет человека, и даже основа человека — скелет несет в себе следы патологии.

В лагере Зея сплошь ослабшие от работы и плохого питания замерзшие люди... Ежедневно умирали соратники. Тихо умирали те, у кого кончились все силы. Умерших хоронили на склоне горы. Вместо гроба их заворачивали в одеяло. Но, когда опускали в землю, одеяло снимали. Оставляли маленькую белую ткань на лице. Это очень щемящие сцены. Мерзлую землю копать очень трудно, поэтому яма неглубокая. Иногда копали немного, тогда после оттепели появлялись трупы. Я специально рисовал теплым цветом умерших, которых хоронили под чужой холодной землей [Казуки: 68].

Ё. Уэцухара изобразил могилы японских пленных на карте «Ре» (2), подписав: «Души умерших бродят над кладбищем, где холод как в морозильнике» (рис. 86). Изображенные здесь души также дрожат от холода. Глаз цепляют кресты на могилах нехристиан. Кто ставил эти кресты, почему они разной высоты, откуда нашлось дерево для этого? Возможно, крест был для пленных маркером могилы.

Кто-то умер, и мы вдвоем с товарищем пошли копать могилу. На холме много деревянных грубо сколоченных крестов, под которыми похоронено много японцев [Ооути:141].

С. Миязаки и Я. Казуки в отличие от Н. Киути, М. Ооути и К. Сато, для творчества которых характерно обращение к конкретным сюжетам, предпочитают аллегорические образы смерти (рис. 87). К. Сато изобразил черепа погибших в плену как скорбный послевоенный урожай.

Полотно С. Миязаки «Пленники» отсылает нас к классическому в европейской живописи сюжету — распятию (рис. 88). Перед нами три фигуры, скомпонованные среди перекрещенных бревен, на заготовке которых часто гибли люди именно от падающих деревьев. Эти перекладины вполне могут быть могильными крестами, а также виселицами или крестами для распятия. Фигуры без одежды кажутся особенно беззащитными. Распятие троих, среди которых есть и грешники и святые, вполне может быть специфическим прочтением евангельского сюжета.

Розовое пятно наверху можно представить, как зимнее солнце на закате, а темно-голубой цвет фона напоминает вечерний снег.

На другой работе С. Миязаки «Воспоминание. Декабрьское утро» фигуры пленных расположены так, что отсылают наше воображение к сюжету снятия с креста: голое тело, покрытое белой тканью, вокруг которого скорбящие люди. Здесь вспоминаются строки Шаламова о заключенном, который:

Он сам — Христос, он сам — распятый.
И язвы гнойные цинги —
Как воспаленные стигматы
Прикосновения тайги [Шаламов: 72–73].

В «Сибирской серии» и альбоме «Моя Сибирь» Я. Казуки мы видим и многочисленные наброски портретов Николая II Романова, последнего российского императора. Как известно, он, его семья и свита были расстреляны на Урале представителями советской власти. Эти рисунки были выполнены задолго до того, как Николай II был канонизирован Российской православной церковью. Но замалчиваемая в советские годы фигура последнего императора России волновала Я. Казуки. Рядом с обликом Николая II портреты погибших товарищей как бы также претендуют на похожую траекторию памяти — от умолчания до признания. В комментарии к полотну «Нирвана» Казуки признается в своей миссии свидетеля.

Каждый раз, когда кто-то умирал, я всегда рисовал его лицо. На любом обрывке делал простой набросок карандашом, а позже расписывал его акварелью. Тогда я думал, что если вернусь домой, то навещу семью каждого и оставлю родным портреты умерших. Но если я умру, кто передаст мои рисунки? Мне сразу становилось грустно. Потом эти рисунки были обнаружены, и советские солдаты их сожгли. Рисунков нет, но я не забыл их лица. Все лица были красивы. Мясо ушло, глаза запали, а скулы торчали. Но все-таки лица умерших похожи на посмертную маску Иисуса Христа. Каждый из них по-своему живет внутри меня. Поэтому они воскресают в моих картинах [Казуки: 71].

Инсталляция Я. Казуки «Беглецы» подсказывает нам, что обществу еще предстоит большая работа с памятью о сибирском плене. Археология памяти, кропотливая, неторопливая, аккуратно фиксирующая все большие и малые факты, в конце концов вернет истории имена и достоинство их носителей.

